

Н. Н. Кошкарлова

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

ORCID ID: 0000-0001-8861-0353

Н. Б. Руженцева

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

ORCID ID: —

E-mail: nkoshka@rambler.ru; verbalis@mail.ru.

На пути к правде, ведущем ко лжи: феномен постправды в современной политической коммуникации

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу явления постправды в современной политической коммуникации. Авторы предлагают следующее определение изучаемого феномена: это такая деструкция и трансформация социальной и политической реальности, при которой происходит инверсия семантики происходящего, возникают когнитивные иллюзии, распространяются «псевдоновости», создатель которых не несет за это никакой ответственности, а преследует определенные цели и коррелирует их с эмоциональным настроением целевой аудитории. В работе предлагается лингвистический анализ лексической единицы «постправда», в результате чего делается вывод о том, что слово еще не может претендовать на статус термина, обозначая при этом ситуацию, при которой неопровержимые факты уже не играют никакой роли, а политика часто не является сферой постоянства, стабильности и правды. Жанровой репрезентацией искаженной действительности в межкультурном политическом пространстве в настоящей статье признаются фейковые новости, механизм создания которых описан авторами. Приводится конкретный речевой и экстралингвистический материал, демонстрирующий работу некоторых из указанных механизмов создания фейковых новостей. Авторы предлагают несколько советов, которые помогут рядовому пользователю отличить фейковые новости от настоящих. Делается вывод о соотношении явлений постправды и фейковых новостей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: постправда; фейковые новости; политические провокации; политические коммуникации; политический дискурс; журналистика; медиалингвистика; медиадискурс; медиатексты; СМИ; средства массовой информации.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Кошкарлова Наталья Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры «Международные отношения и зарубежное регионоведение», Институт лингвистики и международных коммуникаций, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет); 454080, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина, 76, ауд.169; e-mail : nkoshka@rambler.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Руженцева Наталья Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского как иностранного, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 285; e-mail : verbalis@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кошкарлова, Н. Н. На пути к правде, ведущем ко лжи: феномен постправды в современной политической коммуникации / Н. Н. Кошкарлова, Н. Б. Руженцева // Политическая лингвистика. — 2019. — № 1 (73). — С. 50—56.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-012-00465 А).

Правда всегда парадоксальна. Порой скажешь правду, говорят: «Ну ты врешь!» — а совершь, и все удивляются: «Надо ж, как в жизни бывает!»

Михаил Задорнов

ВВЕДЕНИЕ

Где проходит разграничительная линия между правдой и ложью в политической коммуникации? В чем заключаются различия и сходства между явлениями постправды и фейка? Необходимо ли оперировать термином *правда* или более корректно использовать слово *истина* при описании анализируемых феноменов? Можно ли говорить о

том, что правда для некоторых акторов политической коммуникации не входит в число основных ценностей? Правомерно ли при характеристике постправды рассуждать о популизме как типе политического сознания?

Вот лишь некоторые из тех вопросов, ответы на которые важны для понимания современной геополитической ситуации, прогнозирования возможного развития событий внутри одной страны и на межгосударствен-

ном уровне, лингвистической интерпретации ложной и диффамационной информации с целью сокращения (элиминации) манипулятивного потенциала фейковых новостей.

В своих предыдущих работах [Кошкарва 2018; Руженцева, Кошкарва 2018] мы уже обращались к характеристике фейковой новости как жанра политической провокации. Целью настоящего исследования является лингвопрагматическая характеристика постправды — феномена, который, с одной стороны, равнозначен явлению фейка, а с другой — обладает своими характерологическими признаками, отличающими его от смежных понятий.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕРМИН ИЛИ БАСТИОН ЛЖИ?

Постправда как феномен в западной политической коммуникации существует в течение последнего десятилетия, однако только в 2016 г. Оксфордский словарь признал это прилагательное (в английском языке слово *post-truth* употребляется в качестве препозитивного определения в сочетании со словом *politics*) словом года и предложил следующую его дефиницию: *relating to or denoting circumstances in which objective facts are less influential in shaping public opinion than appeals to emotion and personal belief* [Word of the Year 2016 is... http] — *обозначающий или относящийся к обстоятельствам, в которых объективные факты оказывают меньшее влияние на формирование общественного мнения, чем обращение к эмоциям и личным убеждениям.*

В российском политическом и массмедийном пространстве анализируемая лексическая единица используется с некоторой долей осторожности, так как пока не совсем ясным представляется ее содержательное наполнение, вариативным остается и правописание слова (ср., например, *пост-правда* vs. *постправа*). *Post-truth* рассматривается отечественными исследователями в различных аспектах: с точки зрения политики [Политика постправды в современном мире 2017; Чугров 2017], в аспекте массмедийной коммуникации [Володина 2017; Жолудь 2018; Зиновьев 2018], с точки зрения лингвистики [Иванова 2017]. Зарубежные исследователи несколько расширяют область научного анализа и не только описывают современное положение дел в области постправды и фейковых новостей [Vöcskei 2017; Martin 2017], но и обсуждают пути борьбы с указанными деструктивными явлениями [Gilchrist 2018].

С философской точки зрения С. Фуллер определяет феномен постправды следую-

щим образом: «...порядок постправды, где только определенная группа людей знает, что **ИСТИННО И ЛОЖНО** (выделено нами. — *H. K., H. P.*) и контролирует это знание, а все остальные просто верят в то, что им говорят, основан на резком противопоставлении реальности и вымысла» [Фуллер http]. Действительно, в отношении постправды, вероятнее всего, приходится говорить именно об истине, а не о правде, так как, по справедливому замечанию историка и журналиста А. Ефимова, «*истина* одна на всех, а *правда* у каждого своя» [Ефимов http].

В лингвистическом плане важно дифференцировать феномен постправды и схожее с ним явление фейка, обладающее своими дискурсивными и лингвопрагматическими особенностями. С. В. Чугров разграничивает постправду и фейки по следующим критериям:

- 1) во-первых, термин «постправда» родился не в социокультурном, а в сугубо политическом дискурсе;
- 2) во-вторых, постправда — порождение виртуальной среды, в которой ключевую роль сыграли Интернет и социальные сети, взятые на вооружение политиками и бизнесом;
- 3) в-третьих, одно из центральных качеств постправды — это редукция и исчезновение смыслов в результате контекстной стандартизации политического дискурса [Чугров 2017: 45].

Суммируя наблюдения, сделанные другими учеными в ходе анализа феномена постправды [Берендеев 2017; Козловский 2018; Чугров 2017], и собственные исследования по анализируемой проблеме, делаем вывод о том, что постправда — это такая деструкция и трансформация социальной и политической реальности, при которой происходит инверсия семантики происходящего, возникают когнитивные иллюзии, распространяются «псевдоновости», создатель которых не несет за это никакой ответственности, а преследует определенные цели и коррелирует их с эмоциональным настроением целевой аудитории. При этом под инверсией дискурса М. В. Берендеев понимает «процедуру искажения или полного изменения смысла (включая сюда его онтологические, аксиологические и когнитивные параметры) описываемого события с последующим его укоренением в определенной знаковой и культурной системе (включая язык)» [Берендеев 2017: 25]. Действительно, постправда как когнитивный и социальный феномен презентуется в определенном наборе текстов и жанров, которые реализуют воздействующую функцию языка и оказывают речевое манипулирование — «разновидность манипулятивного воздействия, осуществ-

ляемого путем искусного использования определенных ресурсов языка с целью скрытого влияния на когнитивную и поведенческую деятельность адресата» [Копнина 2010: 25].

В лингвистическом плане лексическая единица *постправда* является неологизмом, образованным по активной словообразовательной модели (характерной как для английского, так и для русского языка), в котором, однако, префикс *пост-* расширяет свое значение: если раньше он обозначал «то же явление и понятие, что выражено мотивирующим существительным, но происходящее после него (постимпрессионизм, постредактирование)» [Пост- (префикс) http], то сейчас он обозначает то, что «относится ко времени, в котором указанный концепт или явление становится неважным или малозначительным». По такой модели в английском языке образованы слова *post-national*, *post-racial*, *post-colonial*. Приведем контексты употребления указанных лексических единиц.

- *In an astonishing statement to the New York Times in 2015, Justin Trudeau declared, "There is no core identity, no mainstream in Canada, and consequently that "makes us the first post-national state" (CBC News, December 8, 2018). — В своем нелепом заявлении газете New York Times в 2015 г. Джастин Трюдо утверждал, что в Канаде нет национальной идентичности, нет руководящей силы, что делает страну первым постнациональным государством (перевод здесь и далее наш. — Н. К., Н. Р.).*

- *"I grew acutely aware that many black people think this is a racist country, but white people don't feel that way, and I didn't either," he says. "I didn't see it until I heard their stories and felt their pain. People talk about a post-racial society. Well, for the most part, white people say that. Black people know better (Los Angeles Times, January 7, 2014). — „Я вырос с четким осознанием того, что чернокожие воспринимают эту страну как расистское государство, но белые так не думают, я тоже не считал так, — говорит он. — Мое мнение изменилось, когда я увидел реальные истории и настоящую боль этих людей. Кто-то рассуждает о пострасовом обществе. По большей части так думают белые. Чернокожим это известно лучше“.*

- *Awkwardly-fitting clothes, or rather, discomfort in one's appearance while in a new country is part of the migrant experience. Gurnah's previous novels include *By the Sea*, *Desertion* and the Booker Prize shortlisted *Paradise*. *Gravel Heart* joins them as a work of post-colonial literature that entertainingly intertwines migration and a tale of family drama (The Herald of Sunday, May 14, 2017). — Плохо сидящая*

одежда или, скорее, стеснение из-за своего внешнего вида, когда находишься в новой стране, — вот что чувствует мигрант. Среди ранних работ А. Гурнаха — „У моря“, „Запустение“ и вошедший в шорт-лист Букеровской премии „Рай“. „Каменное сердце“ тоже относится к произведениям постколониальной литературы, в которой миграция и семейная драма сплетены воедино.

В русском языке префикс *пост-* также отражает социальные и культурные экстралингвистические обстоятельства, влияющие на когнитивно-дискурсивную природу образованного с его помощью слова.

- Россия вступает в *посткрымский* период своей истории (Александр Проханов. На Крымском направлении // Известия. 2014.03.16).

- *Но это один сценарий, касающийся всех новых явлений, которые связывают с постлиберализмом, с „пост-Европой“ [Гостев http].*

Приведенные выше определения *постправды* и лингвистический анализ слова позволяют сделать вывод о том, что данная лексическая единица еще не может претендовать на статус термина, обозначая при этом ситуацию, при которой неопровержимые факты уже не играют никакой роли, а политика часто не является сферой постоянства, стабильности и правды.

БОРОТЬСЯ ИЛИ НЕ БОРОТЬСЯ?

С эпохой *постправды* тесным образом связаны фейковые новости, вернее, фейки являются жанровой репрезентацией искаженной действительности в межкультурном политическом пространстве. Анализу фейковых новостей посвящено большое количество работ как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике [Суходолов, Бычкова 2017; Корецкая 2017; Распопова, Богдан 2018; Anand 2017; Botei 2017; McIntyre 2018], авторы которых пытаются найти ответы на два вечных вопроса: «Кто виноват?», «Что делать?» — но фейковые новости по-прежнему доминируют в информационном пространстве, так как «ценность фальшивых и настоящих новостей неодинаковая — и ложные выгоднее истинных» [Козловский 2018: 27]. Так, если вы сообщаете обыденную и ожидаемую информацию, то целевая аудитория получает новое знание в минимальном объеме. Неправдоподобные новости предоставляют их потребителю знания в превосходной степени, привлекают к себе больше внимания, обладают большим эффектом неожиданности, а создатели таких новостей принадлежат к числу избранного меньшинства.

Представляется, что сказанное будет достоверным прежде всего в отношении второй из выделенных Е. Стецко групп фейковых новостей:

1. Фейковые новости, использующиеся в рекламе и пиаре (реклама товаров и услуг, продвижение имиджа персон и бренда предприятий, организаций, торговых марок).

2. Fake news как средство политической борьбы и пропаганды определенных взглядов [Стецко http].

В фокусе нашего внимания — именно вторая группа фейковых новостей, которые стали продуктом «эпохи постправды», создаются как политиками, так и журналистами, распространяются через официальные средства массовой информации или социальные сети. Механизм создания фейковых новостей включает следующие компоненты:

1) отсутствие правдивых свидетельств о произошедших событиях в силу их давности, что является основой для создания поддельных свидетельств;

2) обвинение представителей других национальностей в совершении чего-то противозаконного или деструктивного;

3) демонизация врага как один из приемов манипулирования и средство информационно-психологической войны, что «неизбежно приводит к замкнутому кругу действий по эскалации напряженности, ведет к ухудшению отношений между странами» [Обертяева 2017: 4];

4) сфабрикованное сенсационное сообщение, которое может носить как политический, так и научный характер;

5) использование существующих предрассудков, суждений и мнений для раздувания недовольства существующим положением дел и (или) действиями противоположной стороны;

6) вплетение в текстовую ткань новости визуального ряда, который является поддельным и постановочным;

7) наличие только одного авторитетного источника информации или вообще отсутствия такового;

8) множественность интерпретаций значения лексической единицы, которая может быть детерминирована различными типами дискурса и (или) структурно-типологическими особенностями языка.

Приведем конкретный речевой и экстралингвистический материал, демонстрирующий работу некоторых из указанных механизмов создания фейковых новостей.

29 декабря 2018 г. на сайте американского издания *Washington Examiner* был размещен материал под заголовком «Melania Trump's trip to Iraq marked first war zone visit by a first lady in over a decade» — «Мелания

Трамп первой из жен президентов посетила зону боевых действий за последнее десятилетие». Фрагмент статьи:

• *When Melania Trump accompanied her husband President Trump to Iraq this week, it was the first time in more than a decade that a first lady of the United States had visited a war zone. Trump also became the only first lady to have visited Iraq since the war began more than 15 years ago. During the eight years of her husband's presidency, Michelle Obama never traveled to a war zone, according to Mark Knoller, a veteran CBS White House correspondent widely respected for his copious and accurate record-keeping of White House activities and events. "Checked my records," Knoller told the Washington Examiner. "Found no war zone trips by Mrs. Obama". — Сопровождая своего мужа — президента Трампа в поездке в Ирак на этой неделе, Мелания Трамп была первой из жен президентов, кто посетил зону военных действий за последнее десятилетие. Госпожа Трамп стала единственной из первых леди, кто побывал в Ираке с момента начала войны более 15 лет назад. Во время президентства своего мужа Мишель Обама никогда не была в зонах военных действий, как сообщил Марк Кноллер, корреспондент CBS News, который известен своими точными записями всего происходящего в Белом доме. „Согласно моим записям, госпожа Обама никогда не была в зоне военных действий“, — сказал Кноллер *Washington Examiner*.*

В приведенном фрагменте ложный характер сообщения основан на множественности интерпретации выражения *war zone*, семантика которого в английском языке не имеет однозначной трактовки. Так, если следовать дефиниции *war zone* как места, характеризующегося повышенной опасностью, то приведенная выше новость является фейковой, так как Мишель Обама, жена бывшего президента США Барака Обамы, встречалась с американскими солдатами на военной базе Аль-Удейд в Катаре, что в английском языке тоже описывается при помощи словосочетания *war zone*. Вероятно, в данном случае журналисту необходимо было разграничить два термина: *war zone* и *combat zone*, — последний является генерализованным обозначением любых военных действий на вражеской территории.

Другой важной частью работы журналиста или деятельности рядовых граждан в процессе восприятия новостей является умение отличать реальные фотографии от вымышленных. Так, в июне 2018 г. в Сети появилось изображение Барака Обамы, одетого в костюм Люцифера (рис.).

Рис.

Как утверждали сайты, разместившие данную фотографию, произошла «утечка» секретной информации. Однако, как выяснилось позже, изначально фотография была размещена на странице пользователя по имени @everysilversea в «Инстаграме» 20 января 2017 г. Вдумчивый читатель может вспомнить, что в этот день происходила инаугурация 45-го президента США Дональда Трампа. Таким образом человек, разместивший ложную фотографию, выразил недоверие действиями победившего президента, а ситуация еще раз подчеркивает тот факт, что «неправда распространяется в социальных сетях гораздо лучше правды» [Почепцов [http](http://)].

С целью проверки истинного или ложного характера сообщений существует большое количество ресурсов как в русскоязычном, так и в англоязычном пространстве: <https://noodlremover.news/>, <https://www.snopes.com/>, <https://www.factcheck.org/>. Вместе с тем каждый рядовой пользователь должен следовать некоторым советам, чтобы уметь отличать фейковые новости от настоящих:

1. Проверять место публикации, достоверность сайта.
2. Читать не только заголовок информационного сообщения, но и весь его текст.
3. Проверять авторство текста, сравнивать разные материалы автора, выяснять, действительно ли сообщение было создано реальным человеком.
4. Проверять даты.
5. Проверять доказательства, при необходимости обращаться к экспертам за подтверждением или опровержением информации.
6. Проверять фотографии.

7. Не позволять собственным предрассудкам затмевать критическое мышление при восприятии информации.

ВЫВОДЫ

Таким образом, несмотря на общие характерологические особенности, — изображение того, чего не существует в реальности — постправда является более глобальным явлением, чем фейковые новости. Постправда — это благоприятная среда для появления фейка, который является новым жанровым образованием, созданным по определенным канонам и правилам, с использованием механизмов пропаганды и манипулятивного воздействия. Отсутствие цензуры в Интернете приводит к увеличению числа недостоверных сообщений, борьба с которыми ведется на разных уровнях, а рядовой пользователь должен уметь отличать фейк от истины.

ИСТОЧНИКИ

1. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 01.01.2019).
2. British National Corpus. NOW Corpus [Electronic resource]. URL: <http://corpus.byu.edu/now> (date of access: 01.01.2019).
3. Washington Examiner [Electronic resource]. URL: <https://www.washingtonexaminer.com/> (date of access: 09.01.2019).
4. Word of the Year 2016 is... [Electronic resource] URL: <https://en.oxforddictionaries.com/word-of-the-year/word-of-the-year-2016> (date of access: 02.01.2019).

ЛИТЕРАТУРА

5. Берендеев М. В. Инверсия образа страны и политика постправды в медийном дискурсе (Россия в польском кейсе) // Политика постправды в современном мире. — СПб. : Скифия-принт, 2017. С. 24—27.
6. Володина Л. В. Post-truth как антитеза достоверности в медийном тексте // Современная периодическая печать в контексте коммуникативных процессов. 2017. № 2 (11). С. 57—62.
7. Гостев А. Мировая «постправда» эпохи Путина [Электронный ресурс]. URL: <https://www.svoboda.org/a/28311969.html> (дата обращения: 02.01.2019).
8. Ефимов А. Платон мне друг, но истины не надо [Электронный ресурс]. URL: <https://nplus1.ru/material/2016/11/21/post-truth-world> (дата обращения: 04.01.2019).
9. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: http://slovoonline.ru/slovar_efremova (дата обращения: 03.01.2019).
10. Иванова Е. А. Лингвистический феномен пост-правды в англоязычном политическом дискурсе // Вестн. Челяб. гос. пед. ун-та. 2017. № 9. С. 154—159.
11. Козловский Б. Максимальный репост: как соцсети заставляют нас верить фейковым новостям. — М.: Альпина Паблишер, 2018.
12. Копнина Г. А. Речевое манипулирование. — М.: Флинта: Наука, 2010.
13. Корецкая О. В. Фейковые новости как объект изучения медиалингвистики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 9 (75). В 2 ч. Ч. 1. С. 118—120.
14. Кошкарлова Н. Н. Фейковые новости: креативное решение или мошенничество? // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. 2018. № 2 (191). С. 14—18.
15. Жолудь Р. В. «Эра постправды» в западной журналистике: причины и последствия // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Филология. Журналистика. 2018. № 3. С. 117—123.

16. Зиновьев И. В. Постправда на телевизионных экранах: новости против достоверности // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2018. Т. 24. № 1 (171). С. 41—48.

17. Обертяева И. А. Информационная политика Запада по «демонизации» России: характерные черты // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2017. Т. 15. № 2. С. 77—82.

18. Политика постправды в современном мире. — СПб. : Скифия-принт, 2017.

19. Пост- (префикс) [Электронный ресурс] // Новый словарь русского языка / Т. Ф. Ефремова. URL: http://slovoonline.ru/slovar_efremova/b-16/id-79344/post_prefiks_slovoobrazovatel'naya_edinitsa.html.

20. Почепцов Г. Г. Пространство постправды и пространство лжи стали сближаться, отсюда фейки и постправда [Электронный ресурс]. URL: hvylya.net/.../prostranstvo-pravdy-i-prostranstvo-lzhi-stali-sblizhatsya-otsyuda-feyki-i-p... (дата обращения: 09.01.2019).

21. Распопова Е. С., Богдан Е. Н. Фейковые новости: информационная мистификация : учеб. пособие. — М. : Аспект Пресс, 2018.

22. Руженцева Н. Б., Кошкарлова Н. Н. Политическая провокация: лингвистический комментарий недостоверных сообщений // Учимся понимать Россию: политическая и массмедийная коммуникация. — Екатеринбург, 2018. С. 225—230.

23. Стецко Е. Fake news и феномен пост-правды: информационно-политические тренды года [Электронный ресурс].

URL: <https://eadaily.com/ru/news/2017/11/20/fake-news-i-fenomen-post-pravdy-informacionno-politicheskie-trendy-goda> (дата обращения: 08.01.2019).

24. Суходолов А. П., Бычкова А. М. «Фейковые новости» как феномен современного медиапространства: понятие, виды, назначение, меры противодействия // Вопросы теории и практики журналистики. 2017. Т. 6. № 2. С. 143—169.

25. Фуллер С. Постправда [Электронный ресурс]. URL: <https://postnauka.ru/longreads/84059> (дата обращения: 03.01.2019).

26. Чугров С. В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии // Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 42—59.

27. Anand B. N. The U.S. Media's Problems Are Much Bigger than Fake News and Filter Bubbles // Harvard Business Review. 2017. Jan. 5. P. 2—10.

28. Böcskei B. "Post-truth politics" as the normal state of politics // Tamara : Journ. for Critical Organization Inquiry. 2017. Vol. 15. Iss. 3—4. Fall. P. 257—260.

29. Botei M. Misinformation with Fake News // Bulletin of the Transilvania Univ. of Braşov. Ser. VII: Social Sciences. Law. 2017. Vol. 10 (59). No. 2. P. 133—140.

30. Gilchrist A. Post-truth: an outline review of the issues and what is being done to combat it // Ibersid. 2018. 12:2. P. 13—24.

31. Martin N. Journalism, the Pressures of Verification and Notions of Post-Truth in Civil Society // Cosmopolitan Civil Societies: An Interdisciplinary Journ. 2017. Vol. 9. No 2. P. 41—55.

32. McIntyre L. Post-truth. — Cambridge, Massachusetts : The MIT Pr., 2018.

N. N. Koshkarova

South-Ural State University, Chelyabinsk, Russia

ORCID ID: 0000-0001-8861-0353

N. B. Ruzhentseva

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

ORCID ID: —

 E-mail: nkoshka@rambler.ru; verbalis@mail.ru.

Forth to Truth and Back to Hoax: Post-truth in Modern Political Communication

ABSTRACT. *The paper is devoted to the analysis of the phenomenon of post-truth in modern political communication. The authors suggest the following definition of the notion under study: it is such a destruction and transformation of social and political reality which causes inversion of the ongoing semantics, brings about cognitive illusions, and spreads pseudo-news the creator of which bears no responsibility for it but pursues certain aims and correlates it with the emotional state of the target audience. The authors analyze the lexical unit "post-truth" from the linguistic point of view and come to the conclusion that the word cannot be viewed upon as a term yet; it denotes the situation when irrefutable facts play no role any more, and the policy is no longer a sphere of trustworthiness, stability and truth. Fake news is admitted to be a genre representation of the post-truth phenomenon in the intercultural political space. The mechanism of creating fake news is described in the paper. The authors provide concrete speech and extra-linguistic material demonstrating the functioning of these mechanisms of fake news generation. Some pieces of advice are given for ordinary users how to tell fake news from real ones. The article makes a conclusion about the interrelation between post-truth and fake news.*

KEYWORDS: *post-truth; fake news; political provocations; political communications; political discourse; journalism; media linguistics; media discourse; media texts; mass media.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Koshkarova Natal'ya Nikolaevna, Doctor of Philology, Professor of Department of International Relations and Foreign Regional Studies, South-Ural State University, Chelyabinsk, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Ruzhentseva Natal'ya Borisovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

FOR CITATION: *Koshkarova, N. N. Forth to Truth and Back to Hoax: Post-truth in Modern Political Communication / N. N. Koshkarova, N. B. Ruzhentseva // Political Linguistics. — 2019. — No 1 (73). — P. 50—56.*

ACKNOWLEDGMENTS: *Research is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the scientific project №19-012-00465 A.*

MATERIALS

1. Russian National Corpus [Electronic resource]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (date of access: 01.01.2019).
2. British National Corpus. NOW Corpus [Electronic resource]. URL: <http://corpus.byu.edu/now> (date of access: 01.01.2019).
3. Washington Examiner [Electronic resource]. URL: <https://www.washingtonexaminer.com/> (date of access: 09.01.2019).
4. Word of the Year 2016 is... [Electronic resource] URL: <https://en.oxforddictionaries.com/word-of-the-year/word-of-the-year-2016> (date of access: 02.01.2019).

REFERENCES

5. Berendeev M. V. Inversion of the Image of a Country and Post-Truth Policy in Media Discourse (Russia in the Polish Case) // Post-Truth Policy in the Modern World. — Saint Petersburg : Scythia-print, 2017. P. 24—27. [Inversiya obraza strany i politika postpravdy v mediynom diskurse (Rossiya v pol'skom keyse) // Politika postpravdy v sovremennom mire. — Spb. : Skifiya-print, 2017. S. 24—27]. — (In Rus.)
6. Volodina L. V. Post-truth as the Antithesis of Authenticity in the Media Text // Modern Periodicals in the Context of Communicative Processes. 2017. № 2 (11). P. 57—62. [Post-truth kak antiteza dostovernosti v mediynom tekste // Sovremennaya periodicheskaya pechat' v kontekste kommunikativnykh protsessov. 2017. № 2 (11). S. 57—62]. — (In Rus.)
7. Gostev A. The Global “Post-truth” of the Putin Era [Electronic resource]. [Mirovaya «postpravda» epokhi Putina]. URL: <https://www.svoboda.org/a/28311969.html> (date of access: 02.01.2019). — (In Rus.)
8. Efimov A. Plato is my Friend, but Truth is not Necessary [Electronic resource]. [Platon mne drug, no istiny ne nado]. URL: <https://nplus1.ru/material/2016/11/21/post-truth-world> (date of access: 04.01.2019). — (In Rus.)
9. Efremova T. F. The New Dictionary of the Russian Language [Electronic resource]. [Novyy slovar' russkogo yazyka]. URL: http://slovoonline.ru/slovar_efremova (date of access: 03.01.2019). — (In Rus.)
10. Ivanova E. A. The Linguistic Phenomenon of Post-truth in the English-speaking Political Discourse // Herald of Chelyab. State Ped. Univ. 2017. No. 9. P. 154—159. [Lingvisticheskiy fenomen post-pravdy v angloyazychnom politicheskom diskurse // Vestn. Chelyab. gos. ped. un-ta. 2017. № 9. S. 154—159]. — (In Rus.)
11. Kozlovskiy B. Maximum Repost: How Social Networks Make Us Believe the Fake News. — Moccow : Alpina Publ., 2018. [Maksimal'nyy repost: kak sotsseti zastavlyayut nas verit' feykovym novostyam. — M. : Al'pina Publisher, 2018]. — (In Rus.)
12. Kopnina G. A. Speech Manipulation. — Moscow : Flint : Science, 2010. [Rechevoe manipulirovanie. — M. Flinta : Nauka, 2010]. — (In Rus.)
13. Koretskaya O. V. Fake News as an Object of Studying Medialinguistics // Philological Sciences. Problems of Theory and Practice. 2017. No. 9 (75). In 2 parts. Part 1. P. 118—120. [Feykovye novosti kak ob"ekt izucheniya medialingvistiki // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 9 (75). V 2 ch. Ch. 1. S. 118—120]. — (In Rus.)
14. Koshkarova N. N. Fake News: Creative Solution or Fraud? // Herald of Tomsk State Ped. Univ. 2018. No. 2 (191). P. 14—18. [Feykovye novosti: kreativnoe reshenie ili moshennichestvo? // Vestn. Tomsk. gos. ped. un-ta. 2018. № 2 (191). S. 14—18]. — (In Rus.)
15. Zholud' R. V. “The Era of Post-Truths” in Western Journalism: Causes and Consequences // Herald of Voronezh State Univ. Ser.: Philology. Journalism. 2018. No. 3. P. 117—123. [«Era postpravdy» v zapadnoy zhurnalistike: prichiny i posledstviya // Vestn. Voronezh. gos. un-ta. Ser.: Filologiya. Zhurnalistika. 2018. № 3. S. 117—123]. — (In Rus.)
16. Zinov'ev I. V. Post-truth on Television Screens: News Versus Authenticity // News of Ural Feder. Univ. Ser. 1, Problems of education, science and culture. 2018. Vol. 24. No. 1 (171). P. 41—48. [Postpravda na televizionnykh ekranakh: novosti protiv dostovernosti //

- Izv. Ural. feder. un-ta. Ser. 1, Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury. 2018. T. 24. № 1 (171). S. 41—48]. — (In Rus.)
17. Obertyaeva I. A. Western Information Policy on the “Demonization” of Russia: Characteristics // Modern Problems of the Humanities and Social Sciences. 2017. Vol. 15. № 2. P. 77—82. [Informatsionnaya politika Zapada po «demonizatsii» Rossii: kharakternye cherty // Sovremennye problemy gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk. 2017. T. 15. № 2. S. 77—82]. — (In Rus.)
18. Post-truth Politics in the Modern World. — S. Peterb. : Scythia-print, 2017. [Politika postpravdy v sovremennom mire. — Spb. : Skifiya-print, 2017]. — (In Rus.)
19. Post- (prefix) [Electronic resource] // New Dictionary of the Russian Language / T. F. Efremova. [Post- (prefiks) // Novyy slovar' russkogo yazyka / T. F. Efremova]. URL: http://slovoonline.ru/slovar_efremova/b-16/id-79344/post_priefiks_slovoobra_zovatelnaya_edinita.html.
20. Pocheptsov G. G. The post-truth Space and the Lie Space Began to Converge, hence the Fakes and the Post-truth [Electronic resource]. [Prostranstvo postpravdy i prostranstvo lzhi stali sblizhat'sya, otsyuda feyki i postpravda]. URL: <http://hvylyya.net/.../prostranstvo-pravdy-i-prostranstvo-lzhi-stali-sblizhat'sya-otsyuda-feyki-i-p...> (date of access: 09.01.2019). — (In Rus.)
21. Raspopova E. S., Bogdan E. N. Fake News: Information Hoax : teaching aid. — Moscow : Aspect Press, 2018. [Feykovye novosti: informatsionnaya mistifikatsiya : ucheb. posobie. — M. : Aspekt Press, 2018]. — (In Rus.)
22. Ruzhentseva N. B., Koshkarova N. N. Political Provocation: Linguistic Commentary of Inaccurate Messages // Learning to Understand Russia: Political and Mass Media Communication. — Ekaterinburg, 2018. P. 225—230. [Politicheskaya provokatsiya: lingvisticheskiy kommentariy nedostovernnykh soobshcheniy // Uchim'sya ponimat' Rossiyu: politicheskaya i massmediynaya kommunikatsiya. — Ekaterinburg, 2018. S. 225—230]. — (In Rus.)
23. Stetsko E. Fake News and the Post-truth Phenomenon: Informational and Political trends of the Year [Electronic resource]. [Fake news i fenomen post-pravdy: informatsionno-politicheskie trendy goda]. URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2017/11/20/fake-news-i-fenomen-post-pravdy-informacionno-politicheskie-trendy-goda> (date of access: 08.01.2019).
24. Sukhodolov A. P., Bychkova A. M. “Fake news” as a Phenomenon of Modern Media Space: Concept, Types, Purpose, Countermeasures // Problems of the Theory and Practice of Journalism. 2017. Vol. 6. No. 2. P. 143—169. [«Feykovye novosti» kak fenomen sovremennogo mediaprostranstva: ponyatie, vidy, naznachenie, mery protivodeystviya // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. 2017. T. 6. № 2. S. 143—169]. — (In Rus.)
25. Fuller S. Post-truth [Electronic resource]. [Postpravda]. URL: <https://postnauka.ru/longreads/84059> (date of access: 03.01.2019). — (In Rus.)
26. Chugrov S. V. Post-truth: the Transformation of Political Reality or the Self-destruction of Liberal Democracy // Polis. Political studies. 2017. No. 2. P. 42—59. [Post-truth: transformatsiya politicheskoy real'nosti ili samorazrushenie liberal'noy demokratii // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2017. № 2. S. 42—59]. — (In Rus.)
27. Anand B. N. The U.S. Media's Problems Are Much Bigger than Fake News and Filter Bubbles // Harvard Business Review. 2017. Jan. 5. P. 2—10.
28. Böcskei B. “Post-truth politics” as the normal state of politics // Tamara : Journ. for Critical Organization Inquiry. 2017. Vol. 15. Iss. 3—4. Fall. P. 257—260.
29. Botei M. Misinformation with Fake News // Bulletin of the Transilvania Univ. of Braşov. Ser. VII: Social Sciences. Law. 2017. Vol. 10 (59). No. 2. P. 133—140.
30. Gilchrist A. Post-truth: an outline review of the issues and what is being done to combat it // Ibersid. 2018. 12:2. P. 13—24.
31. Martin N. Journalism, the Pressures of Verification and Notions of Post-Truth in Civil Society // Cosmopolitan Civil Societies: An Interdisciplinary Journ. 2017. Vol. 9. No 2. P. 41—55.
32. McIntyre L. Post-truth. — Cambridge, Massachusetts : The MIT Pr., 2018.